

Еврейский корреспондент газеты «Безбожник» как антирелигиозник-активист

Алеся Николаевна Некрасова

(Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Младший сотрудник-исследователь, ORCID ID 0000-0002-7574-8801: Европейский университет, факультет истории, ул. Гагаринская, д. 6/1 литера А, 191187, Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7(812) 386 76 34, E-mail: nelesy2@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3380.2018.18.3.5

Аннотация: В статье сделана попытка сравнительного анализа рукописных текстов местной корреспонденции, поступившей в редакцию газеты «Безбожник» в 1920–1930-е гг., и писем граждан, опубликованных на страницах газеты. Я рассматриваю «письмо в редакцию газеты “Безбожник”» как определенную ситуацию социального взаимодействия «здесь и сейчас» и рассуждаю о ролях участников этой ситуации — редакторов и корреспондентов. В качестве метода исследования я использую анализ языка опубликованных и неопубликованных текстов, их формы и содержания. Я подробно останавливаюсь на двух сюжетах: имплицитной борьбе редакторов с антисемитизмом на страницах газеты и пяти неопубликованных письмах из Одессы с требованием закрыть синагоги. Выбранный подход позволяет мне сделать некоторые наблюдения о социальных и культурных установках евреев в СССР в 1920–1930-е гг.: их отношении к культурной и семейной памяти, социальной ответственности, власти, времени. Эти установки, выраженные в языке писем, по моему мнению, имели следствия в дальнейших общественных и в частности антирелигиозных процессах в СССР.

Ключевые слова: *евреи, СССР в 1920–1930-е гг., газета «Безбожник», письма в редакцию, язык антирелигиозной пропаганды*

Работая с архивом редакции газеты «Безбожник»¹, я обнаружила в том числе документы, касающиеся истории отдельных еврейских общин в СССР². В основном эти документы относятся к 1926–1931 гг. и представляют собой корреспонденцию «с мест» с описанием (анти)религиозных событий, происходящих в той или иной области СССР. Для анализа этих источников можно использовать различные подходы. Я предлагаю рассматривать «письмо в редакцию газеты “Безбожник”» как определенную ситуацию социального взаимодействия «здесь и сейчас», в которой есть несколько действующих субъектов (акторов) — корреспондент, редактор и потенциальный читатель, — язык как инструмент взаимодействия, а также газета как материальный объект, задающий некоторые условия развития ситуации. В данном случае язык может быть понят не только как совокупность лексико-грамматических конструкций, а как набор действий с помощью слов, в которых отражались социальные интенции употребляющих их субъектов. Продуктивным методом для исследования языка в данном случае мне представляется сравнительный контент-анализ опубликованных и неопубликованных текстов (как писали), а также анализ их содержания (о чем писали). Этот подход, вероятно, не позволит сказать ничего нового о мотивах, которыми руководствовались корреспонденты газеты или персонажи их писем, но

¹ Газета «Безбожник» выпускалась одноименным издательством (с 1932 г. Государственное антирелигиозное издательство, ГАИЗ), принадлежавшим Союзу (воинствующих – с 1929 г.) безбожников (СБ/СВБ). Издательство выпускало также журналы «Безбожник», «Безбожник у станка», научно-методический журнал «Антирелигиозник», «Дер Апикойрес» на идише и другие. Редакции различных изданий, вероятно, тесно сотрудничали между собой, и материал, присланный в редакцию газеты «Безбожник», мог быть опубликован в других изданиях.

² В настоящее время редакционный архив разделен на несколько частей и хранится в разных местах: в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва), научно-историческом архиве Государственного музея истории религии (НИА ГМИР, Санкт-Петербург) и Фототеке этого же музея (фотографии).

даст возможность приблизиться к пониманию того, какие жизненные — социальные, культурные — установки корреспонденты демонстрировали через язык своих писем. Таким образом, далее в статье будут рассматриваться не исторические предпосылки участия евреев в антирелигиозном движении и не государственная политика против иудаизма, а состояние — в «мировоззренческом» смысле — еврейских общин, в той мере, в какой оно было зафиксировано в текстах писем в редакцию.

Когда я начала заниматься антирелигиозной периодикой 1920–1930-х гг., мне казалось, что газета создавала у читателей ощущение масштабного движения, охватившего всю страну, именно с помощью публикации многочисленных писем местных активистов и, таким образом, повышая эффективность пропаганды, распространяла антирелигиозное мировоззрение. Позже, читая письма корреспондентов с жалобами на то, что связки неразрезанных газет валяются в отделениях местных ячеек СБ/СВБ, я пришла к выводу, что подобные редакторские намерения если и имели место, то не осуществлялись в реальности, поскольку на деле газету не читал почти никто, кроме антирелигиозников-активистов. Вероятно, газета ориентировалась в своих публикациях прежде всего на них, на тех, кто был «в теме», тех, кто писал письма в редакцию. А далее уже эти активисты должны были привлекать новых читателей — газета постоянно давала задания увеличивать объем подписки, вербовать новых членов в Союз и создавать местные ячейки. В такой ситуации фигура корреспондента становилась ключевой наравне с фигурой редактора, поскольку редакторы не только воздействовали на корреспондентов, но и испытывали воздействие последних на себе через их письма. В этом взаимодействии формировался общий язык, мировоззренческие установки и модели антирелигиозных практик, которые постепенно начинали восприниматься как само собой разумеющиеся, принимались по умолчанию и распространялись вовне. Далее я остановилась на некоторых аспектах этого взаимного воздействия.

Редакторы газеты нечасто вступали в коммуникацию непосредственно, через прямую речь. Михаил Шейнман, заме-

ститель главного редактора, который как раз читал и отбирал всю местную корреспонденцию, выступал на страницах газеты под псевдонимом М. Шейн в качестве обозревателя новостей с Запада³. В этой роли Шейнман был довольно агрессивен, предлагая однозначно негативные схемы интерпретации событий и определенные модели словоупотреблений, но его фамилия нигде в выходных данных газеты не указывалась, поэтому большинство читателей вряд ли догадывались, кто стоит за псевдонимом. Для воздействия на читателей, среди которых были потенциальные корреспонденты, газета использовала в первую очередь неявные средства. Так, у редакторов был приоритет в выборе тем для публичного обсуждения на страницах газеты. Одной из тем, несколько маргинальной с точки зрения общей антирелигиозной пропаганды, но считавшейся редакторами важной, был антисемитизм.

К концу 1920-х гг. антисемитские настроения в стране достигли пика, и редакторы «Безбожника» считали необходимым бороться с этим. В 1928 г. М. Шейнман издал брошюру «О раввинах и синагогах», которая в значительной степени была направлена против антисемитизма [Шейнман 1928]. При этом на страницах газеты в этот период публикации об антисемитизме почти не появлялись, за 1930 г., например, я не нашла ни одной заметки на эту тему (одна большая статья под названием «Религия и антисемитизм» появилась в журнале «Безбожник», в № 19 за октябрь 1930 г.). Здесь редакторы использовали другой подход. Через отбор материала и манипуляции с языком они пытались создать на страницах газеты впечатление, что евреи ничем не отличаются от прочих советских граждан, идут общим строем к атеистическому будущему, а синагоги закрывают не реже и не чаще, чем церкви. Такой подход в действии хорошо демонстрирует архивная фотография под названием «Евреи-трудящиеся на антирели-

³ Михаил Маркович Шейнман (1902–1977) — с 1927 г. член Центрального совета Союза Безбожников. Позже заместитель редактора газеты «Безбожник». Как историк религии специализировался на католицизме.

гиозном вечере в с. Черкизове»⁴. Фотография была сделана фотоагентством «Русс-Фото», которое предложило следующий сопроводительный текст: «Атакуют темные вековые традиции. Еврейские рабочие и трудящиеся Москвы ведут усиленную кампанию против осенних религиозных еврейских праздников. 4/Х—29 г. в селе Черкизово (близ Москвы) был проведен многолюдный вечер-митинг. На сн.: евреи-трудящиеся на антирелигиозном вечере в с. Черкизове (1929 г.)». Позже фотография была опубликована в газете, также с подписью. При сравнении двух вариантов текста, опубликованного и «чернового», можно увидеть, что текст подписи меняли дважды: сначала цензурировал редактор — он подчеркнул заглавие («евреи-трудящиеся на антирелигиозном вечере в с. Черкизове»), подразумевая, вероятно, что нужно оставить только его, обозначил цифрами слова, которые нужно поменять местами («трудящиеся евреи» вместо «евреи-трудящиеся»); затем корректор сократил текст («трудящиеся» вместо «рабочие и трудящиеся»), исправил грамматические ошибки, но, видимо, не до конца осознав намерение редактора, оставил оба варианта — «еврейские трудящиеся» и «трудящиеся-евреи». Помимо прочего здесь можно увидеть, что идеологизированная правка была еще одним средством воздействия редакторов на ситуацию коммуникации.

Поскольку критика антисемитизма на страницах газеты в явном виде отсутствовала, немногочисленные корреспонденты, касавшиеся вопроса, выступали в активной роли, по своей воле предлагая эту тему для публичного обсуждения. В частности, С. Парфиянович из Могилевского района (Белоруссия) пишет об антисемитизме как об актуальной для школьной среды проблеме⁵. В редакционном архиве есть письмо с заглавием «Избили еврейку-педагога», автор которой возложил ответственность за избиение учительницы

⁴ Фототека ГМИР. Шифр А-69. Опубликовано в: Безбожник (журнал). 1930. № 1 (январь). С. 11.

⁵ НИА ГМИР. Ф. 42 (находится в разработке). Письма, отнесенные к редакционной папке № 4 — БССР. Парфиянович С. Продвижем «Безбожника» в школы. 24.09.1931. 2 лл.

московской школы на сектантов⁶. Автор письма из Минска также обвиняет в антисемитизме сектантов, которые, по его словам, выступают против плакатов с рекламой лотереи ОЗЕта, вывешенных на заводе «Пролетарий»⁷. В своей интерпретации антисемитизма корреспонденты не были оригинальны, повторяя знакомые пропагандистские схемы и используя образ «плохих сектантов» в противовес «правильной» государственной политике, в данном случае воплощенной в лотереях ОЗЕта [Иванов 2008]. На страницах газеты за 1930 и 1931 гг. эти письма не были опубликованы.

Для анализа коммуникативных интенций корреспондентов я предлагаю остановиться на пяти письмах из Одессы⁸, к которым примыкает фотография с надписью на обороте: «Бывшая синагога, переделанная под клуб инвалидов, где проводится культурно-просветительная работа»⁹. Эти письма среди прочего привлекают внимание своей темой: инвалиды (инвалиды войны) — довольно редкий сюжет в антирелигиозной периодике. Синагоги часто передавали на нужды просвещения и культуры, под клубы для рабочих и кустарей, сюжет же с инвалидами в публикациях мне встречался только пару раз. Четыре письма из пяти написаны на русском языке и датированы 1930 г., одно — на украинском языке — без даты. Автор трех писем, Вильгельм Зельманович Табацкий, использовал псевдоним «Седой безбожник». По всей видимости, в июле 1930 г. Табацкий прислал в редакцию газеты два письма

⁶ НИА ГМИР. Ф. 42 (находится в разработке). Письма, отнесенные к редакционной папке № 16 — Московская область. Неизвестный автор. Избили еврейку-педагога. Без даты.

⁷ НИА ГМИР. Ф. 42 (находится в разработке). Письма, отнесенные к редакционной папке № 4 — БССР. Белина-Подгаецкий Н. (Минск). Сектанты-антисемиты. Без даты.

⁸ НИА ГМИР. Ф. 42 (находится в разработке). Письма, отнесенные к редакционной папке № 27 — УССР. Заметки: «Визначаючи всю шкідливість релігії» (б/д, укр. яз.); Табацкий В. Новый очаг физкультуры (июль 1930); Табацкий В. Автошкола вместо синагоги (июль 1930); «На днях срочно был закрыт клуб Инвалидов» (сентябрь 1930); Табацкий В. Закрыли клуб (октябрь 1930).

⁹ Фототека ГМИР. Шифр А-415.

с названиями «Автошкола вместо синагоги»¹⁰ и «Новый очаг физкультуры»¹¹, но не нашел их среди опубликованного материала. Возможно, он не знал, что как раз в это время в СВБ шли дискуссии о недопустимости «правых»¹² и «левых перегибов» в антирелигиозной работе¹³. Под «левыми перегибами» как раз понимали злоупотребление административным ресурсом в борьбе с религией. Поэтому фотографии синагог, «переданных на культурные нужды», на некоторое время исчезли со страниц газеты¹⁴. Но в сентябре в Одессе закрывают клуб инвалидов, чтобы устроить в здании общежитие, — недопустимое, с точки зрения Табацкого, событие. Поэтому он пишет еще одно письмо в редакцию газеты¹⁵ и объединяет в нем свои предыдущие тексты, а также включает два сообще-

¹⁰ Сюжет: сообщает об организации автошколы в помещении синагоги «рубщиков мяса».

¹¹ Сюжет: сообщает о закрытии синагоги хасидов «бесгамедрош» (Ленина — ныне Ришельевская, 32) и передаче ее под физкультурный зал.

¹² Правый уклон, или «культурничество», предполагал повышение культурного уровня людей как средство борьбы с религией, более терпимое отношение к религии, подчеркивание культурного значения религиозных памятников, идею о недопущении антирелигиозной пропаганды в школы — все это более или менее воплотилось в политике, которую вел Наркомпрос под руководством А.В. Луначарского (см. ГАРФ. Ф. Р 5407. Оп. 1. Д. 60. Л. 78–81, 83–84).

¹³ На II пленуме ЦС СВБ 20.03.1930 г. Е. Ярославский сделал доклад «Против левых перегибов и против оппортунистических настроений».

¹⁴ Вновь начинают появляться в сентябре 1930 г.

¹⁵ Сюжет: просит передать Большую синагогу (Ленина, 30, на углу улиц Ленина (ныне — Ришельевская) и Бебеля (ныне — Еврейская)) «в ведение Наробраза» и «бесгамедрош» (Ленина, 32) под физкультурный зал (Большая синагога в какой-то момент была передана факультету физкультуры Одесского пединститута, в 1996 г. передана общине). Вывод о том, что два следующих письма использовались Табацким, можно сделать на основании того, что в его письмо включены специфические конструкции и отдельные отрывки из текстов двух других авторов.

ния от других лиц. Авторы одного из них¹⁶ — рабочие завода им. Фрунзе — протестуют против закрытия клуба инвалидов и просят закрыть Большую синагогу, «бесгамедрош», Пересыпскую синагогу¹⁷ и передать одно из зданий под клуб инвалидов. Письмо направлено одновременно в Одесский горсовет и в редакцию газеты «Безбожник». В другом письме, написанном по-украински, от имени рабочих и служащих выдвигается требование передать Большую синагогу на нужды народного просвещения¹⁸. С точки зрения стилистики письмо у Табацкого получается очень неровное: он использует много сухой канцелярской лексики («за отсутствием помещения», «означенные учреждения», «назрел вопрос», «передать в ведение», «следует не оставить без внимания», «удовлетворить ходатайство»), включает при этом просторечные и разговорные слова и выражения, допускает речевые ошибки (синагоги «словно ирония» находятся в центре города, «рядышком», «случай не должен пройти молча», «вырастает острая нужда», «работать в двух и трех сменах») и, не удержавшись, вставляет патетический пассаж про Французскую революцию. То есть Табацкий, вероятно, не очень хорошо владел стилистикой письменной речи, что говорит о том, что он, возможно, был из среды кустарей или заводских рабочих. Особенно заметна неоднородность его письма в сравнении с письмом на украинском языке, которое написано на более или менее ровном литературном языке — его автор, вероятно, часто прибегал к письменной речи и был, возможно, служащим. В этом (украинском) письме, на мой взгляд, важно отметить одну деталь — то, как автор выражает свою интенцию, обращаясь к власти (Одесскому горсовету): он использует глагол «требовать» («мы требуем»), при этом апеллирует к своим гражданским правам («мы как избиратели Горсовета требуем», то есть

¹⁶ Заметка «На днях срочно был закрыт клуб Инвалидов» (сентябрь 1930 г.).

¹⁷ Пересыпская синагога — синагога на ул. Лесная (ныне — Одария), была открыта весь советский период, в 1992 г. центральная часть обрушилась и синагога опустела.

¹⁸ Заметка «Визначи всю шкідливість релігії» (без даты).

право требовать дает выполненная обязанность выбирать членов Горсовета) и в статусе гражданина демонстрирует на самом деле определенную свободу в общении с властью (так называемый низкий индекс дистанции власти — термин, использующийся в социологических исследованиях с 1970-х и характеризующий жесткость социальной иерархии и степень ее принятия членами общества — в данном случае низкую, подразумевающую среди прочего склонность не принимать власть как что-то само собой разумеющееся, сомневаться в ее решениях).

Иная ситуация во втором письме, которое Табацкий использует в качестве источника: его авторы (рабочие завода им. Фрунзе) в отношении к власти (Горсовету) используют глаголы «просить» и даже «верить» («мы верим, что Горсовет удовлетворит наше ходатайство»). При этом они говорят об обязанности нести ответственность, которую они переносят на СВБ и газету «Безбожник» и уже от них считают возможным чего-то требовать («Союз СВБ и газета «Безбожник» будут нести ответственность перед рабочими в случае замедления нашего ходатайства»). Ту же мягкость в обращении к власти демонстрирует сам Табацкий («рабочие указывают», «следует не оставить без внимания»). При этом право более решительного обращения к власти Табацкий делегирует прессе («Пресса должна требовать <...>, чтобы ЦИК СССР в ближайшие дни рассмотрел <...>»). То есть авторы двух последних писем — рабочие завода им. Фрунзе и Табацкий — выбирают газету в качестве посредника между собой и властью, отказываясь от прямого взаимодействия.

Интересно сравнить письмо Табацкого с другим письмом из Одессы, опубликованным в журнале «Безбожник у станка»¹⁹ в 1925 г. под названием «Как еврейские рабочие

¹⁹ Орган Московского комитета РКП(б), издавался с 04.01.1923 г. (№ 1–2 вышли под названием «Безбожник», последующие номера выходили под названием «Безбожник у станка») по 1932 г. Отв. редактор — М. Костеловская, художественный редактор — Д. Моор (1923–1928). В журнале публиковались пропагандистские, антирелигиозные зарисовки с картинками, сатирические стихи, карикатуры, рисунки Д. Моора, А. Дейнеки, М. Горшмана, Н. Когоута и др.

Одессы отвоевали синагогу — под клуб (письмо из Одессы)» [Ронов 1925]. В этом письме речь идет о том, что Одесский губисполком постановил передать Бродскую синагогу под рабочий клуб, а религиозная община решила оспорить это постановление в Украинском ЦИКе. Помимо прочего, автор (А. Ронов) — в отличие от Табацкого — демонстрирует больший спектр эмоций, включающий радость, волнение, в конце письма позволяет себе сентиментальную вставку. Используя эмоциональную лексику, Ронов выказывает внутреннюю готовность проявлять эмоции, а публикация его текста говорила о том, что проявление эмоций не запрещается редакторами газеты. От автора в 1930 г. редакторы уже требовали более жесткого и решительного языка: безбожникам не полагалось быть «взволнованными», они должны были «возмущаться». В целом Ронов в 1925 г. демонстрирует большую свободу в языке: 1) не запрещает себе (и редактор — ему) эмоций; 2) говоря об обращении граждан к власти, употребляет «мягкие» глаголы, но в этом не чувствуется нерешительность позиции или проявление выжидательной осторожности — подобные глаголы он употребляет, когда говорит о действиях власти в отношении граждан («ВУЦИК уважил мотивы»), поэтому такое словоупотребление, кажется, просто характеризует ощущение Роновым качества социальной коммуникации в отношении «власть — народ», как будто более или менее равной на этом этапе; 3) напрямую выражает свое мнение, демонстрируя свободу в отношении власти. Так, например, среди причин, по которым, с точки зрения членов религиозной общины, синагога не должна быть закрыта, Ронов указывает следующую: «Бродская синагога, якобы <...> ценный исторический памятник, и тому подобные мотивы», и дает, таким образом, понять, что это, с его точки зрения, полная чушь²⁰. При этом занимавшийся охраной памятников Наркомпрос во главе с Луначарским (до осени 1929 г.) придерживался противоположного мнения — выдающиеся памят-

²⁰ Ср.: Безбожник (газ.). 1930. № 23 (25.04). С. 5. Что сделано Наркомпросом РСФСР («Главнаука пересмотрела все 7 000 памятников, охраняемых ею, и оставила в списках только 1 000»).

ники архитектуры, в том числе религиозной, необходимо сохранять. Ронов, вероятно, принадлежал к левому крылу антирелигиозников, связанному с журналом «Безбожник у станка» и его редактором Марией Костеловской, которая считала, что с религией нужно бороться «в лоб». Эти люди как настоящие модернисты — в том смысле, в котором употребил слово «модерн» (фр. *modernité* — 'современность') Ш. Бодлер, а вслед за ним М. Фуко, подразумевая определенный тип отношения к настоящему как к обладающему самостоятельной ценностью, а не только как к переходному периоду между прошлым и будущим — выказывали желание избавиться от традиции, а вместе с ней и от исторической памяти [Бодлер 1986; Фуко 1999; Ассман 2017]. В 1930 г. и на страницах газеты «Безбожник» появляются заметки, обращаясь к теме памяти, в которых память трактуется как что-то нежелательное для общества. Так, в одном из номеров была опубликована заметка, где речь шла о том, что у секретаря комсомольской ячейки еврейской колонии в Крыму нашли в доме Тору. На обвинение в «солидарности» с религией тот ответил: «Тора является наследством нашего дедушки, пусть стоит, она нам не мешает». Общий обвинительный пафос заметки подразумевал, что использование предметов культа даже в качестве семейных реликвий недопустимо [Гольдберг 1930].

Обобщая рассуждения о ролях участников ситуации, определенной мной в начале как «письмо в редакцию газеты «Безбожник»», можно сделать следующие выводы. Редакторы имели власть допускать или не допускать письма к печати, определять круг актуальных, допустимых или по каким-то другим критериям подходящих для публичного обсуждения тем, а также цензурировать письма, в том числе определяя (в 1930-е, в противовес 1920-м гг.) уровень эмоциональной насыщенности допускаемых к печати текстов. Корреспонденты со своей стороны также могли предложить тему для обсуждения, но их высказывание в данном случае обладало гораздо меньшей социальной эффективностью, поскольку первоначально могло быть воспринято только одним потенциальным читателем — редактором газеты, и далее все зави-

село от последнего. Потенциально более эффективны были высказывания корреспондентов, имплицитно выражавшие их жизненные установки: отношение к памяти (культурной, семейной), ответственности, власти, времени и т.д. Через такие высказывания корреспонденты могли со своей стороны задавать рамки коммуникации. Газета в этом случае выполняла функцию материального носителя и посредника: она выходила раз в неделю, была относительно доступна и могла обеспечить довольно быстрое (для своего времени) и широкое распространение. Таким образом формировался и распространялся язык антирелигиозной реальности, исследование которого становится особенно значимым, если учесть, что евреи, переходившие в это время с идиша на русский язык, начинали воспринимать себя и составляли представление о своих этнических особенностях во многом из советской массовой культуры на русском языке [Shternshis 2006]. Ведь 1920–1930-е гг. — это период интенсивной модернизации евреев в СССР и в том числе период активного перехода с идиша на русский язык. Письма многих корреспондентов как раз демонстрируют процесс этого перехода, в частности, фиксируют ситуацию, когда языковых навыков еще недостаточно, чтобы справиться с грамматикой, но при этом авторы используют разнообразные лексические штампы, которые показывают, что язык воспринимался в значительной мере через антирелигиозные пропагандистские тексты. При этом нельзя утверждать, что язык, на который осуществлялся переход, был заранее задан. Как было показано выше, этот язык формировался как раз в процессе перехода, в том числе через коммуникацию корреспондентов и редакторов газеты «Безбожник» — через письма, их редактуру и выборочную публикацию.

Источники

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р 5407. Оп. 1. Д. 60. «Протокол (копия) заседания антирелигиозной комиссии при МК ВКП(б) от 10 января 1930 г.; проект тезисов о правом уклоне в антирелигиозной пропаганде; докладная записка

бригады Ленинградских безбожников о причинах роста секты «федоровцев» и мерах борьбы с ней и др.». 1930. 93 лл. Л. 78–81, 83–84.

НИА ГМИР – Научно–исторический архив Государственного музея истории религии.

Ф. 42. «Редакция газеты “Безбожник”», находится в разработке. Письма, отнесенные к редакционной папке № 4 — БССР.

Ф. 42. «Редакция газеты “Безбожник”», находится в разработке. Письма, отнесенные к редакционной папке № 16 — Московская область.

Ф. 42. «Редакция газеты “Безбожник”», находится в разработке. Письма, отнесенные к редакционной папке № 27 — УССР.

Фототека ГМИР — Фототека Государственного музея истории религии. Шифры А-69, А-415.

Гольдберг 1930 – *Гольдберг И.* Вам тора не мешает, но вы мешаете комсомолу // *Безбожник* (газ.). 1930. № 49. С. 5.

Ронов 1925 – *Ронов А.* Как еврейские рабочие Одессы отвоевали синагогу — под клуб (письмо из Одессы) // *Безбожник у станка.* 1925. № 6. С. 17.

Литература

Ассман 2017 – *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017.

Бодлер 1986 – *Бодлер Ш.* Поэт современной жизни // Шарль Бодлер. Об искусстве. М., 1986. С. 283–315.

Иванов 2008 – *Иванов А.* Бремя пропаганды: репрезентация еврейской земледельческой колонизации в советской документально-публицистической фотографии 1920–1930-х гг. // Проблемы еврейской истории. Ч. 1. М., 2008. С. 381–412.

Фуко 1999 – *Фуко М.* Что такое Просвещение? // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. № 2. М., 1999. С. 132–149.

Шейнман 1928 – *Шейнман М.* О раввинах и синагогах. М., [1928]. С. 4.

Shternshis 2006 – *Shternshis A.* Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington, 2006.

The Jewish Correspondent of the Newspaper “Bezbozhnik” as an Anti-Religious Activist

Alesia Nekrasova

(European University at St. Petersburg, Russia)

Junior researcher, ORCID ID 0000-0002-7574-8801: European University at St. Petersburg, Department of History, 6/1A Gagarinskaia Street, 191187, St. Petersburg, Russia, +7(812) 386 76 34, E-mail: nelesy2@gmail.com

Summary: The article makes an attempt to compare handwritten texts of local correspondence received by the newspaper “Bezbozhnik” in the 1920s–1930s, and citizens’ letters published in the newspaper. I consider «a letter to the editorial office of the newspaper “Bezbozhnik”» as the situation of social interaction “here and now” and discuss the roles of the participants, editors and correspondents, in this situation. As a research method, I use the language analysis of texts, its form and content. I review two cases: the implicit editors’ struggle against anti-Semitism in the newspaper and five unpublished letters from Odessa demanding the closure of synagogues. The chosen approach allows me to make some observations about the social and cultural attitudes of Jews in the USSR in the 1920s–1930s: their relation to a cultural and family memory, social responsibility, power and time. These attitudes, expressed in the letters language, I guess, had consequences in the further social and, in particular, anti-religious processes in the USSR.

Keywords: *Jews, USSR in the 1920s–1930s, newspaper «Bezbozhnik», letters to an editorial office, language of antireligious propaganda*

References:

Assman A. *Raspalas sviaz vremen? Vzlet i padenie temporalnogo rezhima Moderna*. Moscow, 2017.

Ivanov A. *Bremia propagandy: reprezentatsiia evreiskoi zemledelcheskoi kolonizatsii v sovetskoi dokumentalno-publitsisticheskoi fotografii 1920–1930-kh gg.* // *Problemy evreiskoi istorii*. Part 1. Moscow, 2008. P. 381–412.

Foucault M. *Chto takoe Prosveshchenie?* // *Vestnik MGU. Serii 9. Filologiya*. No. 2. 1999. P. 132–149.

Sheynman M. *O ravvinakh i sinagogakh*. Moscow, 1928.

Shternshis A. *Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939*. Bloomington, 2006.